

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на „ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ“
съ бесплатнымъ приложеніемъ еженедѣльнаго
журнала „НАШЕ ВРЕМЯ“:

	на годъ.	6 м.	3 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки	7 50	4 50	2 50	— 90
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ	9 —	5 —	2 75	1 15
Съ пересылкою во всѣ города Россіи . . .	10 —	5 50	3 —	1 15
За границу . .	16 —	9 —	5 —	2 —

ГОДЪ

XXXVIII-й

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЕЖЕДНЕВНО

ТЕЛЕФОНЪ Редактора «Петербургской Газеты» № 850.
Типографіи «Петербургской Газеты» № 850.

ТЕЛЕФОНЪ Редакціи «Петербургской
Газеты» № 5885.

Статьи и замѣтки для газеты должны быть доставляемы съ подписью, адресомъ автора и съ обозначеніемъ условія гонорарія.

Безплатными считаются статьи, на которыхъ условія не обозначены. Статьи по почтѣ не возвращаются.

Большія статьи сохраняются мѣсяць, мелкія же, признанныя не удобными къ печати, уничтожаются.

Контора и редакція

помѣщаются въ Симеоновской улицѣ, близъ Литейной, противъ церкви Святаго Симеона домъ № 5.

Контора открыта съ 9 до 4 часовъ.

Праздничные дни съ 9 до 3 час.

Объясненія съ редакторомъ-издателемъ въ редакціи еженедневно съ 1 до 3 час. пополудни.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

У Антона Павловича Чехова.

(изъ воспоминаний моего друга).

Антон Павлович Чехов я зналъ около двадцати лѣтъ; онъ былъ безконечно добръ ко мнѣ; въ то время, когда Чеховъ былъ москвичемъ, мы видѣлись очень часто, когда-же онъ купилъ имѣние «Мелихово», переехавъ въ шестьдесятъ отъ Москвы, мы видѣлись почти въ каждый изъ его прѣздовъ въ Москву, и я нѣсколько разъ навѣщалъ его въ «Мелиховѣ». Наши встрѣчи стали болѣе рѣдкими съ переездомъ Чехова въ Ялту, такъ какъ онъ прѣзжалъ въ Москву изъ Ялты рѣже, чѣмъ изъ «Мелихова», я-же, связанный постоянной работой, совсѣмъ не могъ ѣздить изъ Москвы надолго. Но и тутъ Чеховъ не забывалъ меня во время своихъ прѣздовъ. Въ минувшемъ декабрѣ, въ предпоследній прѣздъ свой въ Москву, онъ писалъ мнѣ:

«Дорогой А. С., очень бы хотѣлось повидаться съ нами, отдохнуть, вспомнить старину. Намините мнѣ, въ какой день и часъ вы могли-бы зайти ко мнѣ, и тогда я останусь дома, буду поджидать. Теперь у меня ренетация (Чеховъ пишетъ о ренетацияхъ «Вишневого сада»), я завертѣлся, и меня трудно заставить дома. Пожалуйста напишите».

И вотъ, черезъ полгода, вмѣсто его милыхъ словъ, страшныя слова стоятъ передъ глазами:

«Чеховъ умеръ». «Чехова нѣтъ!»

И я стараюсь уйти отъ этихъ страшныхъ словъ и поскрепаю одно изъ моихъ милыхъ воспоминаний, одинъ изъ дней проведенныхъ вмѣстѣ съ прекраснымъ писателемъ и человекомъ; отъ горечи текущаго дня я уношусь мечтой въ ту страну, о которой писалъ мнѣ Чеховъ.

Я вспоминаю лѣтний день, проведенный мною въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ на дачѣ Чехова, вдали отъ желѣзной дороги, въ глухомъ Воскресенскомъ уѣздѣ, гдѣ я бывалъ у него не разъ. Я вспоминаю молодого, жизнерадостнаго Чехова, какимъ онъ былъ въ первые годы нашего знакомства...

Утро; довольно рано; восьмой часъ въ началѣ; я ворочаюсь на постели.

— Вы проснулись, А. С.? — спрашиваетъ Чеховъ.

— Да.

— Не будете больше спать?

— Не буду.

— Ну, давайте вставать, если такъ. Васъ не стѣсняетъ мое присутствие?

— Вотъ еще! Вы не женщина, — усмѣхаюсь я. — Но любимая женщина.

Чеховъ съ удивленіемъ поднимаетъ глаза на меня.

— Вотъ какъ?! — говоритъ онъ. — А любимой женщиной вы бы стѣснились?

— Да. Я не хотѣлъ-бы показываться ей, что называється, въ «безбѣльѣ».

— Почему?

— Какъ то неловко.

— Ну, и чудакъ-же вы, батенька! — захо-

четъ Чеховъ. — Что за вадорь?! Вы жизни не знаете. Ну, посудите сами: если передо мною вамъ въ «безбѣльѣ» ловко, что-же неловкаго быть въ «безбѣльѣ» передъ любимой женщиной?! Во сколько разъ вамъ любимая женщина ближе, чѣмъ я!

И Чеховъ опять смѣется.

— Вы положительно не знаете жизни! «Безбѣлье» — это вадорь. Нѣтъ, я года два назадъ почевалъ у одного изъ знакомыхъ помѣщиковъ въ Сумскомъ уѣздѣ; постелили мнѣ въ комнату, какъ разъ воулъ его спальни. И вотъ...

Чеховъ съ ужасомъ рассказываетъ, какъ то сумской помѣщикъ, то сумская помѣщица будили его, время отъ времени поднимаясь съ постели.

На этотъ разъ хохочу я, а не Чеховъ.

— Да чтожъ тутъ особеннаго? — спрашиваю я.

— Нѣтъ, знаете, это неловко! Это неловко!

Въ сосѣднихъ комнатахъ звенятъ стаканами, собирая утренній чай; за дверью раздаются шаги.

— Антонъ, къ вамъ можно? — спрашиваетъ одинъ изъ братьевъ Чехова.

— Можно.

Въ это время Чеховъ только что выпустилъ первую книгу изданія А. С. Суворина «Въ сумеркахъ» и еще не имѣлъ въ рукахъ своего перваго серьезнаго сборника.

— Марья Владиміровна прислала тебѣ послѣдній номеръ журнала съ отзывомъ о твоей книгѣ.

Марья Владиміровна — это жена владѣльца

той маленькой усадьбы, близъ Воскресенска, въ которой Чеховъ снимаетъ флигель на лѣто. Марья Владиміровна большая поклонница Чехова и сама печатаетъ въ дѣтскихъ журналахъ рассказы для дѣтей. На столѣ Чехова лежитъ одна изъ книгъ Марьи Владиміровны съ такой приблизительно надписью: «Вы не разъ говорили, что въ литературѣ, какъ въ арміи, нужны не только офицеры и генералы, но и простые рядовые: примите эту книгу на память отъ рядового».

— Давай, почитаемъ! — говоритъ Чеховъ и беретъ книгу «Сѣвернаго Вѣстника» или «Русской Мысли».

Статьи довольно кислый, но онъ какъ то мало огорчаетъ Чехова, гораздо меньше, чѣмъ огорчали его влохія, пристрастные, насмѣшливые или ругательные отзывы позднѣйшихъ лѣтъ. Извѣстности, славы еще не было. Но, мнѣ кажется, была несокрушимая увѣренность, что будутъ извѣстность и слава. Слишкомъ ярки, слишкомъ прекрасны были тѣ первые рассказы, которые напечаталъ Чеховъ передъ тѣмъ въ «Новомъ Времени» и которые вошли въ его сборникъ; чертучуръ выдѣлялись они изъ всего, что писалось и печаталось въ то время; и Чеховъ не могъ этого не сознавать. Съ другой стороны, было прекрасное здоровье. Это было года за четыре до поѣздки на Сахалинъ, и у Чехова не было ни малѣйшихъ признаковъ чахотки, которая, сказать кстати, въ семьѣ Чехова составляетъ исключеніе, вопреки рассказамъ, что семья Чехова къ чахоткѣ предрасположена. Его отецъ умеръ 73 лѣтъ; его матери теперь око-

ло 70; изъ пяти братьевъ и сестеръ Чехова умеръ отъ чахотки только одинъ братъ — Николай, но всѣ знавшіе этого талантливаго художника и славнаго милаго человѣка подтверждаютъ, что онъ слишкомъ мало заботался о себѣ, чертучуръ мало беречь свое здоровье. Весной, 1888 года, онъ схватилъ жестокой тифъ, окончательно расшатанной его организмъ, который къ лѣту и сгорѣлъ въ скоротечной чахоткѣ. Изъ остальныхъ — три брата Чехова и сестра его — живы и здоровы. Какое-же это предрасположеніе къ чахоткѣ въ семьѣ? Смутно припоминаю, что, по возвращеніи съ Сахалина, Чеховъ свое недомоганіе (тогда еще нельзя было думать, что оно окончится такъ печально) приписывалъ простудѣ, схваченной имъ на берегу одной изъ сибирскихъ рѣкъ, когда подъ дождемъ онъ нѣсколько часовъ ждалъ парома, и его сильно продуло холоднымъ сибирскимъ вѣтромъ. Затѣмъ, когда выяснилось, что болѣзнь Чехова не простая простуда, всѣ, знавшіе Чехова, конечно, избѣгали о ней говорить...

— Это вадорь, — усмѣхается Чеховъ, откладывая книгу, — но вотъ что, А. С., огорчительно: сборникъ «Въ сумеркахъ» лежитъ на полкахъ книжныхъ магазиновъ, публика покупаетъ и читаетъ его, критики его одобряютъ и не одобряютъ, а я его еще и въ глаза не выдалъ! Глухѣйшее положеніе.

— Почему-же вамъ не высказать его?

— А я почему знаю? Я уже два раза писалъ, и никакого отвѣта! Я — авторъ и не знаю, что это за книга «Въ сумеркахъ», чертъковерт!

Я общаю ему выслать сборникъ, когда возвратишься въ Москву, это утѣшаетъ Чехова, мы умываемся и идемъ пить чай.

Послѣ чаю Чеховъ садится за срочную работу. — Ничего пятница, и я долженъ писать рассказъ въ «Петербургскую Газету», — говоритъ онъ.

— У васъ есть тема?

— Есть.

— А какъ вы назовете вашу будущую статью?

— «Сирена».

Я беру книгу и ложусь съ книгой на диванъ, а Чеховъ начинаетъ юмористическій рассказъ (одинъ изъ своихъ очень удачныхъ юмористическихъ рассказовъ) для «Петербургской Газеты». Я читаю и время отъ времени взглядываю на Чехова. Онъ пишетъ очень медленно, безъ черновика и безъ помарокъ; передъ тѣмъ, какъ написать пять-десять строкъ, онъ долго думаетъ, иногда зажавъ колѣнами свои руки и наклонясь надъ столомъ, иногда откинувшись на спинку стариннаго кресла. Обдумавъ фразу, онъ беретъ перо и переноситъ ее на бумагу, и къ очень мелкимъ, но рѣдкимъ и четкимъ строчкамъ прибавляется еще нѣсколько строкъ. То, что пишетъ Чеховъ, вѣроятно, смѣшно, можетъ-быть, даже очень смѣшно, но улыбка ни разу не освѣщаетъ его лица во время работы; та милая улыбка, которая такъ часто бродитъ по его губамъ во время бесѣды. Время отъ времени Чеховъ откладываетъ въ сторону маленькій листокъ писчей бумаги и принимается за другую, новую.

Перед завтраком принесла почту.

Среди газет номер петербургского журнала «Осколки», в котором в то время Чехов писал очень много. В номере—очень забавный, но несколько легкомысленный рассказ Чехова о надворном советнике Семигусеве (кажется, о надворном советнике Семигусеве), на крыльцо которого прачка на короткое время положила своего младенца. Надворный советник находит младенца, принимает его за своего собственного, подкинутого одной из его массей со злобы, и чуть-ли не идет с младенцем к жене, клянясь в грехат. В рассказе есть несколько фраз, в которых вполне приемлемы слова Беранже, утверждая, что он пишет не для виститутток; эти фразы—тоже не для виститутток.

Нася зовут завтракать.

— Вы прочли «Осколки», А. С.?—спрашивает Чехов.

— Да.

— Я тоже. Нужно их приобрести.

Чехов забирает текст в стол и оставляет только картинку.

После завтрака мы собираемся идти за грибами (Чехову странно любить ходить за грибами) и на минуту возвращаемся в кабинет, кажется, за тем, чтобы захватить папиросы.

— Антоша, пришли «Осколки»?—спрашивает сестра Чехова, в то время только что вышедшая из подростковой.

— Пришли,—отвечает Чехов и подает сестре картинку.

— Антоша, а где же текст?

— Текст? Я не знаю, где текст. А. С., вы не брали текст?—спрашивает он у меня серьезно.

— Нить, не брать,—еще серьезные отвечать я.

— Я тебе найду текст, Мама,—утешает сестру Чехов, очень близко любивший всех своих родных.—Только не сейчас, послѣ.

Мы берем шляпы, валки, корзины и идем за грибами; выйдя из дачного сада, мы проходим к забору усадьбы, за которым сейчас же начинается спуск к крошечной рѣчущей, текущей от усадьбы к городу Воскресенску, съ его монастырем, известным под именем «Нового Иерусалима»; правѣ спуска почти вертикальный откос: на вершинѣ откоса бесѣдка владѣльца усадьбы К—ва. Это мѣстечко, выѣстъ съ бесѣдкой, зарисовано братомъ Чехова Николаемъ и рисункомъ за стекломъ виситъ на стѣнѣ чеховскаго кабинета; а рѣчущку, черезъ которую ведутъ узкіе мосты, выѣстъ съ противоположнымъ блѣдно-желтымъ нестачнымъ берегомъ, нарисованъ маслянными красками, тогда еще только что начинавшій выдвигаться художникъ, впоследствии прославившій талантъ, Исаакъ Левитачъ, близкій пріятель Чехова, и картина эта тоже виситъ въ кабинетѣ писателя. И когда я гляжу на нее, меня всегда изумляетъ отчаянно высоко вѣсившій художникомъ горизонтъ.

Перейдя черезъ поле за рѣчущей, мы вступаемъ въ славный, старый лѣсъ, въ которомъ, по словамъ Чехова, грибовъ—сколько угодно и есть не мало блантъ.

Идемъ и говоримъ.

— На дняхъ N вернулъ мнѣ рассказы!—говорила я, называя фамилию одного петербургскаго редактора.—Такая досада!

— Вотъ вадорь!—отвѣчаетъ Чехов.— Есть о чемъ толковать!

— А вамъ онъ возвращалъ что-нибудь

раньше?

— Мнѣ? Да сколько угодно.

И онъ начинаетъ принимать терни свои перышки литературныхъ шаговъ.

— Если получишь вещь обратно—это вадорь,—говоритъ онъ.—Со мной случались вещи гораздо хуже. Знаете К—а?

— Да.

— Что онъ продѣлывалъ съ своими со- трудниками, чортъ его возьми.

И приглядываясь къ травѣ, не таясь ли подъ нею грибы, Чеховъ продолжаетъ:

— Бывало, придетъ къ нему получать гонораръ, я, Пальминъ, Кичеевъ, всей компаніей, чтобы было нескудно: «дома»? «Дома. Просать васъ подождать». Сидимъ. Ждемъ, часъ и два, затѣмъ выйдемъ изъ терниа и начнемъ стучать въ стѣнки, въ двери. Появится какой-нибудь заспанный малый съ пучкомъ въ волосатъ и съ удивленіемъ спроситъ: «самъ кого»? «К—а!» «Вотъ хитрился! Да ужъ онъ убѣжалъ давно». «Какъ убѣжалъ»? «Да такъ: вышелъ съ чернаго хода, сѣлъ на лошади и убѣжалъ». «А про насъ ничего не говорилъ»? «Говорилъ: пусть найдутъ какъ-нибудь послѣ; нынче мнѣ некогда». Пляшемъ да всей компаніей и пойдемъ. И такимъ образомъ, сколько сапогъ, бывало, жстрепалъ прежде, чѣмъ удастся получить грошевый гонораръ. А Л—въ? (Чеховъ называетъ фамилию одного газетнаго издателя). Онъ и до сихъ вору не раслыгался со мной.

— И много онъ долженъ вамъ?

— Не помню. Что-то около двухсотъ рублей, кажется. Да и поминъ нехотѣмъ. Теперь все равно съ него не получишь ни гроша. Я уже махнулъ рукой. А вѣдь онъ богатѣетъ и богатѣетъ.

Съ терниа перышки литературныхъ шаговъ переходимъ на творчество.

— Нужно быть оригинальнымъ! говоритъ Чехов.—Въ темахъ, въ каждой фразѣ. Если вы написали три рассказа о людяхъ, пишите четвертый о лошади, о собацѣ, о конкѣ. Пусть онъ будетъ хуже тѣхъ, въ которыхъ вы писали о людяхъ. Его прочтутъ. Выбрасывайте безъ сожалѣнія все, что дрянно, шаблонно, набито. Знаете, искусство писать для начинающаго не въ томъ, чтобы писать, а въ томъ, чтобы зачеркивать въ написанномъ все, что слабо и мало. Нужно уметь двумя-тремя словами нарисовать лицо, обрисовать положеніе. Возьмемъ такой случай: къ кому-нибудь приходять просителяница; можно много писать о томъ, что она была блѣда и убога, и не сказать читателю ничего, а между тѣмъ, если вы вскользь упомянете, что она была въ порывѣлой тальмѣ, этимъ будетъ сказано все. Не такъ ли?

— О, да.

Возвращаемся на дачу мы съ порядочнымъ запасомъ блантъ грибовъ; мнѣ удается записать на грибное мѣсто, въ которомъ я снимаю штукъ семь или восемь, затѣмъ судьба не балуетъ меня удачей; а Чеховъ беретъ по одному, по два гриба и набираетъ штукъ до тридцати. Вернувшись, я опять принимаюсь за книгу, а онъ за рассказы. Онъ пишетъ его и послѣ обѣда, до чаю. А передъ вечернимъ чаемъ говоритъ мнѣ:

— Уфъ, кончили!

Перелистывая странички, Чеховъ улыбается.

— Какъ вамъ покажется: безъ единой помарки!

Я гляжу черезъ его плечо: дѣйствительно, ни одной помарки; строчки тянутся тонкими,

ровными полосами, безъ помарокъ; традиционной черточкой тоже нѣтъ ни на одномъ изъ переносовъ.

— Почему вы не ставите тире на переносахъ? спрашиваю я.

— Зачѣмъ? Эти тире только путаютъ наборщика.

Чеховъ устало потягивается и говоритъ:

— Прочитайте «Сирену», А. С. Не пропустилъ-ли я гдѣ-нибудь слова или запятой? Нѣтъ-ли безсмыслицъ?

Онъ прохаживается по кабинету, а я принимаюсь за чтеніе «Сирены»; все обстоитъ благополучно: всѣ слова и всѣ запятые на мѣстахъ; только въ концѣ рассказа, тамъ, гдѣ одинъ изъ героев берется за шляпу, вмѣсто шляпы, красуется шляпка. Я указываю Чехову на эту ошибку.

— Нужно поправить!—торопливо говоритъ Чеховъ, берясь за перо, и добавляетъ юмористически:—онъ не дама!

Рассказъ отправляется въ конвертъ, запечатывается, и Чеховъ пишетъ адресъ на конвертѣ не въ редакцію, а прямо въ типографію «Петербургской Газеты». Я уѣзжаю на утро и беру съ собой письмо въ почтовый ящикъ Николаевскаго вокзала. Письмо въ воскресенье будетъ въ типографіи и войдетъ въ понедѣльный номеръ «Петербургской Газеты». Чеховъ пишетъ въ «Петербургской Газетѣ» исключительно по необходимости; началъ онъ съ гонорара въ 7 копѣекъ, но въ это время издатель «Петербургской Газеты» С. Н. Худковъ платитъ ему уже по 12 копѣекъ за строчку.

И Чеховъ съ удовольствіемъ говоритъ:

— Недурной гонораръ!

Послѣ чаю Чеховъ,—читаемъ въ «Юни. Кр.»

—его братья и я идемъ въ садъ, а затѣмъ въ бесѣдку надъ обрывомъ; съ нами и братья его Николай, художникъ, пріѣхавшій изъ Москвы къ обѣду. Чеховъ любитъ Николая, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ, но Николай—небольшого роста, что маскируетъ диландромъ, и Чеховъ не можетъ сдержать своего остроумія: онъ выдумываетъ разные курьезныя положенія, въ которыхъ будто-бы, ставитъ художника его маленькій ростъ, художникъ долженъ подставлять лѣстницу для того, чтобы цѣловаться и т. п.; и мы не можемъ удержаться отъ хохота, и самъ художникъ хохочетъ, кажется, громче всѣхъ.

Вскрываетъ луну; въ поляхъ тихо и пусто; въ окнахъ большаго барскаго дома К—ва загораются огни. Смотримъ на луну, острыми, фантазируемъ; болтаемъ до тѣхъ поръ, пока изъ флигеля не выйдетъ служанка и не зоветъ насъ:

— Ужинать пожалуйста!

На утро съ восходомъ солнца (во флигелѣ всѣ еще спятъ) я ѣду на лошади на желѣзнодорожную станцію и затѣмъ въ Москву; въ Москвѣ я иду въ книжный магазинъ Васильева на Остринскомъ бульварѣ (теперь этого магазина уже нѣтъ) и спрашиваю сборникъ Чехова «Въ сумеркахъ». И прекрасный сборникъ отправляется къ своему прекрасному автору, на дачу близъ Воскресенска.

И вотъ уже нѣтъ въ живыхъ этого прекраснаго автора.

Холодно, пусто. Чеховъ умеръ. Чехова нѣтъ...

И слезы застилаютъ мои глаза и мѣшаютъ писать мнѣ...

А. Грузинскій.